

Бэлнел Р.Л. Структура «Братьев Карамазовых» / Р.Л. Бэлнел. – СПб. : Академический проект, 1997. – 144 с.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Т. 14 : Братья Карамазовы. Кн. I–X. – Ленинград : Наука, 1976а. – 512 с.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Т. 15 : Братья Карамазовы. Кн. XI–XII. Эпilog. Рукописные редакции. – Ленинград : Наука, 1976б. – 624 с.

Иванов В.И. Достоевский и роман-трагедия / В.И. Иванов // Иванов В.И. Борозды и межи. Опыты эстетические и критические. – М., 1916. – С. 400-435.

Самовар – символ радушия и гостеприимства [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://20th.su/2010/03/17/samovar-simvol-radushiya-i-gostepriimstva> (дата обращения: 14.01.2013).

Самовар – символ русского быта [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.samovarov.net/content/samovar-simvol-russkogo-byta> (дата обращения: 20.01.2013).

Страхов Н.Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском / Н.Н. Страхов // Достоевский Ф.М. в воспоминаниях современников / сост. и коммент. К. Тюнькина : в 2 т. – Т. 1. – М., 1990. – С. 375-532.

Чай и чайная торговля в России и других государствах. Производство, потребление и распределение чая / сост. А.П. Субботин. – СПб., 1892.

Яновский С.Д. Воспоминания о Достоевском / С.Д. Яновский // Достоевский Ф.М. в воспоминаниях современников / сост. и коммент. К. Тюнькина : в 2 т. – Т. 1. – М., 1990. – С. 230-251.

МИФ О ПРОВИНЦИИ И БЛИСТАТЕЛЬНОЙ СТОЛИЦЕ В ЦИКЛЕ СТАТЕЙ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «ДНЕВНИК ПРОВИНЦИАЛА В ПЕТЕРБУРГЕ»

К.Ю. Арзамасцев

*Научный руководитель: Е.Г. Постникова,
кандидат филологических наук, доцент (МаГУ)*

Средства массовой информации в наши дни активно занимаются мифотворчеством и укреплением в сознании людей старых мифов. Этот процесс легко объясним: миф универсален для людей всех возрастов и слоев населения, с помощью него легко упростить и уложить в массовом сознании огромные массивы информации, описывающей окружающий мир во всей сложности и многообразии.

Одним из популярнейших мифов современного медийного пространства является миф, повествующий о яркости, необыкновенности столичной жизни и ограниченных жителях страны, готовых на все, чтобы в эту самую жизнь погрузиться. Столица в этой мифологеме выставляется светочем знаний и мерилом всех вещей, а провинция – серостью и убожеством, от которой надо скорее бежать. Провинциал, согласно данному мифу, изо всех сил стремится к завоеванию столицы, полному

встраиванию в ее шикарную жизнь.

Одним из первых в русской публицистике миф о провинции и блистательной Столице рассмотрел М.Е. Салтыков-Щедрин в своем цикле статей «Дневник провинциала в Петербурге». Классик не только выявил основные механизмы, благодаря которым миф работает, но и блистательно разгромил его, признав в итоге несоответствующим истине. Обратимся собственно к тексту «Дневника...» и рассмотрим, как классик подает и разоблачает данную мифологию.

Итак, начало. Первые же строчки – мифотворчество в чистом виде. Автор облакает в художественную форму миф о блистательной Столице и провинциалах. Как мы уже сказали, миф этот повествует (и с каждым годом все настойчивее) о недотепистых, ущербных, ничего не знающих на первых порах провинциалах и Городе-Сказке, который может исполнить любые мечты.

Провинциал, как и подобает провинциалу, сначала слегка принижает себя: «Зачем я в Петербурге?... этого вопроса *по врожденной провинциалам неосмотрительности*, я ни разу не задал себе...» [Салтыков-Щедрин 1970: 270]. Сразу же появляется в тексте одна из главных составляющих мифа о Столице: чудесность этого места. Оно может все решить, помочь докопаться до первоосновы, оно магическое. Там, рядом с царем-батюшкой и самым высшим светом, будут даны ответы на все вопросы и разрешены все проблемы: «Как будто *Петербург сам собою*, одним своим именем, своими улицами, туманом и слякотью *должен что-то разрешить, на что-то пролить свет*» [Салтыков-Щедрин 1970: 270].

Далее следует сочное, но насквозь мифологизированное описание губернии – других провинциалов, держащих путь в город. Интересно, что с годами роль таких мифологем возрастает, потому как созерцать настоящих провинциалов конца позапрошлого века мы не имеем возможности, а написанное слишком красиво, слишком емко, чтобы ему не довериться. Впрочем, когда мы читаем и о наших современниках, мы охотнее верим журналисту, ведь он уже рассмотрел ситуацию и все *обобщил* за нас – создал миф.

Провинциалы неприятны, многое делают напоказ, высокомерны, притворны и псевдодеятельны. Кроме того, они очень дорожат своим статусом: «Все притворялись, что у них есть нечто в кармане, но ни один, что у него есть что-то в голове» [Салтыков-Щедрин 1970: 272]. И, конечно (в нынешней мифологии провинциалы ведут себя точь-в-точь так же), они относятся друг к другу со скрытой неприязнью: «Как будто ...говорили: еще одна скотина нашего стада пришла» [Салтыков-Щедрин 1970: 272].

Тем не менее, провинциалы из мифа о провинциале предпочитают

держаться вместе из-за стратегической выгоды, общественного стереотипа и легкого осадка приязненно-понимающих чувств: «*Стыдно* землякам в разных местах останавливаться» [Салтыков-Щедрин 1970: 273]. Заметим, что слово «стыдно» указывает на подсознательный стереотип мифологического провинциала ориентироваться на одобрение людей. Причем главный герой является хорошей иллюстрацией этого стереотипного качества провинциала. Первые две недели к нему навешиваются все знакомые, ехавшие с ним вместе в поезде. Знакомые доставляют герою неудобства, но он терпит, как настоящий провинциал, у которого в стереотипном наборе качеств значится: не говорит жесткой правды, обходителен и деликатен. Таким и старается быть наш герой, влекомый в жизни массой мифов, засевших на всех уровнях подкорки.

Герой потягивается и пьет утренний кофе, а к нему уже тянутся товарищи по несчастью – деятельные провинциалы. Они сходу потчуют его кристальными образцами мифов о Столице. На данном отрезке текста слова героев показательны. С одной стороны, они сказочно гиперболизируются: «Ведь здесь вам, батюшка, не губерния! Чтобы слово-то ему сказать, чтобы глазком-то его увидеть, надо с месяц места побегать» [Салтыков-Щедрин 1970: 274]. С другой – отражают реальность. Кафкианскую, странную, но реальность. Впрочем, миф о заоблачной недосыгаемости столицы не позволяет героям возмутиться абсурдностью ситуации. В их понимании, бегать месяц за чиновником – это нормально. *Столица* же. Здесь победит сильнейший. Сильнейший получит желаемое, сильнейший «выбьется в люди». Такой дарвинизм, такое понимание Столицы как места, где всем плохо, но это нормально, ибо слишком высоки ставки, свойственно всем приезжим: «А вам все, чтоб было “приятно”!.. Нет, сударь, приятности-то эти тогда пойдут, когда вот линейку заполучим, а теперь не до приятностей! Здесь, батюшка, и все так живут» [Салтыков-Щедрин 1970: 275]. Все так живут и все уверены в своей скорой, хоть и трудной, но победе – несмотря на то что каждый из «уверенных» видел многих «выкидышей Столицы», так и не сумевших закрепиться в этом инородном мире. А чтобы мысли о фиаско не посещали, мы будем суетиться! Бегать, прислуживать, заводить судорожные знакомства в надежде на... Собственно, это тоже входит в мифологему «провинциал и Столица». Хотя в этой суете видится нечто глубинное, архетипическое. В конце концов, при помощи суеты успокаиваются практически все люди, неуверенные в будущем.

Столица – место сакральное. Сердце страны. Поэтому она сама является символом власти. Издревле в коллективном сознании сложилось четкое представление о властителе как о человеке, нарушающем пищевые табу. Стол властителя всегда богат, в отличие от столов простолудинов.

Так и столы Петербурга, квинтэссенции власти, отличаются от столов губернских городов. И здесь очень показательным является место, где происходит действие большинства «деловых» переговоров Петербурга. Это устричная. Единственный, похоже, ресторан, где подают устриц. И не только устриц: «Съедаются первые четыре десятка устриц, потом съедаются еще четыре десятка устриц, в промежутках съедаются два фунта свежей икры, фунт сыру, фунт семги. Выпивается...» [Салтыков-Щедрин 1970: 278]. Элитная пища сразу же включает невидимые тумблеры в головах у провинциалов. В результате этого стереотип, что здесь – влиятельнейшие люди города, зацветает пышным цветом. Пусть даже сомнительные личности – «не то греки, не то евреи, не то армяне» [Салтыков-Щедрин 1970: 276] с иконописными лицами – не очень подходят на роль Значительных Персон.

Впрочем, это как сказать. Для русского человека, а в особенности для провинциала из мифа о провинциале, очень важно, чтобы власть имущий соответствовал архетипическим, традиционным представлениям о власти. Анемподист Тимофеевич же, главный из «иконписных людей», соответствует им прекрасно. Он очень толст (показатель хорошего питания и силы; сытости его подчиненных), космически громаден (благодаря чему, даже описан как некое божество: «отделит от туловища одну из рук...» [Салтыков-Щедрин 1970: 277]), держит себя с огромным достоинством, будто даже не замечая людей вокруг. Другой из «византийцев», Аристид Фемистоклыч, подтверждает свой авторитет среди восприимчивых к традиционным символам власти провинциалов, говоря, как о вещи обыденной, об успехах в отношениях с женщинами: «И девочки!.. У нас девочек завсегда бывает очень достаточно» [Салтыков-Щедрин 1970: 277].

Миф о провинциалах и блистательной Столице рассыпается очень скоро. Салтыков-Щедрин мастерски разбивает образ великолепного города, исполняющего любые мечты. Достаточно прочитать несколько первых страниц «Дневника...», чтобы впасть в полное уныние: и это та самая мифическая столица? Голое чинопочитание, подбострастие, прожигание жизни. Одна колея, альфой и омегой которой являются пропитанная табачным дымом устричная и театр с единственной танцовщицей, «засмотренной» до предела.

Миф о сакральности столицы разбит. И Щедрин говоря устами своего героя, осторожно замечает, говоря о жизненных представлениях: «Мы, провинциалы, – да впрочем одни ли мы?» [Салтыков-Щедрин 1970: 280]. Одной буквально фразой мастер пера разбивает миф о разности жителей столицы и провинциалов. Да, они разные во многом, но в главном, в жизненных устремлениях, они одинаковы.

К сожалению, одинаковы. Автор с горестью замечает, как мелки устремления большей части людей. Так мелки, что замыкаются в четырех французских словах: «buvons, chantons, dansons, aimons» [Салтыков-Щедрин 1970: 281]. И эти слова, представления, связанные с ними, складываются для миллионов в очередной миф – миф о красивой жизни. Миф такой сильный, что многие люди до конца жизни верят в него, если и испытывая от этого дискомфорт, то, не понимая его природы. Страшно читать это французское заклинание. Ведь именно оно, только после легкого ребрендинга, подается идеологами обществу массового потребления в красивой упаковке с надписью: «Возьми от жизни все».

Впрочем, наш рассказчик скоро прозревает, понимая, что этот однотипный пьяный досуг не наполняет, не дает ощущения жизни, он сравним с одиночным заключением. Герой уходит в дебри похмельной рефлексии и делает серию важных выводов. Крайне мрачных и крайне мифологизированных. Пожалуй, здесь Щедрин предвосхитил обобщения Фрейда. Только классик сделал это не с такой серьезной и бескомпромиссной миной.

«Дневник провинциала в Петербурге» является прекрасным примером аналитической, критической публицистики, поданной в художественной форме. Салтыков-Щедрин еще полтора века назад разоблачил миф, активно эксплуатируемый до сих пор. На примере данного цикла ясно видно, насколько глубоко можно понять многие процессы современной действительности, пользуясь прозрениями классиков. И в «Дневнике...» таких прозрений сокрыто еще очень и очень много.

Список литературы

Салтыков-Щедрин М.Е. Дневник Провинциала в Петербурге / М.Е. Салтыков-Щедрин // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. : в 20 т. – Т. 10. – М., 1970. – С. 271-553.

ТВОРЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1990-Х ГОДОВ «ГНЕЗДО БЕЛОГО КРОЛИКА»¹

П.Д. Достовалова
Научный руководитель: *Е.К. Созина,*
доктор филологических наук, профессор (УрФУ)

Сегодняшний читатель, обращаясь к специфике постсоветского пространства, точно улавливает общую атмосферу неопределенности

¹ Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Соглашение № 14.А18.21.0999.